

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

3. НЕЙЛОНОВАЯ ДОРОГА ВНИЗ

3. РАЗ ОШИБКА, ДВА ОШИБКА, БУДЕТ...

Если коллектив не обновляется – он умирает.

Пережив радостный взлет в период юности, группы, секции, клубы останавливались в своем развитии и, в конце концов, исчезали с небосклона кейвинга. Только те из них, где постоянно ведется работа с молодежью, привлечение новых сил – только те коллективы живут долго. Тогда хватает сил, чтобы пережить смену поколений, смену лидеров, психологические кризисы, внутренние и внешние конфликты, другие неприятности, которые неизбежно подстерегают на пути любое неформальное сообщество.

Постепенно новая техника втягивала нас в решение множества таких проблем, о которых мы на первых порах и не задумывались. И даже не предполагали, что они могут возникнуть.

Прежде всего, одинарная веревка поставила нас перед необходимостью выйти из всех привычных структур спелеотуризма. Не могу сказать, что ранее мы блистали на соревнованиях по спелеотехнике, но теперь мы не могли даже участвовать в спелеотуристских соревнованиях – ни одна судейская бригада не допускала нас до старта в нашем необычном снаряжении, тем более, с одинарной веревкой.

Подумаешь, беда, скажете Вы. Согласен. Фиг с ними, с медалями и местами. Но ведь соревнования – это редкий случай увидеть всех, окунуться в толпу единомышленников, узнать наисвежайшие новости мира пещер. Соревнования – это здорово, если к ним относиться без излишнего тщеславия.

Так что поначалу мы пытались. Но стоило нам появиться на соревнованиях в нашем достаточно надежном, но самошитом снаряжении, нас немедленно обвязывали поверх него – для безопасности! – сдвоенным "штатным" репшнуром, годным разве что на удавку.

Наши зажимы, не только самодельные, но и фирменные, не допускали в качестве самостраховки, обвязывая поверх пуани передвигать стародедовский схватывающий узел из того же 6-миллиметрового шнура.

Да что там!..

Даже продравшись через судейские крючки, мы не могли соперничать с командами, вооруженными традиционной техникой. Приспособленные к особенностям трос-веревки, сами правила соревнований изначально ставили нас в невыгодное положение.

А предложений потягаться было немало. Кто кого: вы – по одинарной или мы – по двойной?

Но ставить вопрос так, значит, ставить его неправильно.

Ответить, какая техника лучше, могли только пещеры. Никакие искусственные трассы на это не способны. Это все равно, что пытаться сравнить альпинизм и скалолазание, гонки на автомобилях и катерах, соревнования и экспедиции.

То, что давало несравненный выигрыш в настоящей работе, могло не дать бесспорного преимущества на рафинированных условностями дистанциях.

Чего ради было дискредитировать прекрасную технику? В чужой монастырь со своим уставом, как известно, не лезут. Чистейшая антипропаганда. Так мы перестали участвовать в соревнованиях по традиционным всесоюзным правилам.

* * *

Точно так же мы выпали из всесоюзной системы подготовки спелеотуристских кадров. Все учебные программы, традиционная схема построения учебных мероприятий

в туризме теперь нас не устраивали. Не только по содержанию обучения, но и с методической стороны. Последняя советская система обучения спелеотуристской технике подразумевала наличие трех уровней подготовки: начальной, средней и высшей, подготовка инструкторов – из двух уровней: средней и высшей инструкторской. Казалось бы – все правильно. Но стоит вчитаться в содержание учебных программ (методики проведения семинаров, за исключением нескольких беспомощных брошюр, практически не существовало), чтобы обнаружить, что программы высших уровней практически ничем не отличаются от низших. Схема проведения и вообще оставалась одинаковой для любых семинаров – что для спортсменов, что для инструкторов, отличаясь только категориями сложности УТП – учебно-тренировочных походов.

Вот в этих-то самых УТП и заключалась вся суть подготовки. Говорю это, не как сторонний теоретик. Мне посчастливилось участвовать во всех мыслимых учебных мероприятиях: от начальной туристской подготовки до высшей инструкторской – от слушателя до начальника семинара.

Большинство участников таких семинаров съезжались на них не учиться, а именно пройти какой-нибудь маршрут за профсоюзный счет.

Лучшие умы в разных регионах Союза, чувствуя несовершенство системы обучения, пытались как-то ее усовершенствовать. В разные годы и в составе разных коллективов мне посчастливилось участвовать в поисках более эффективных методик обучения, прежде всего, инструкторов спелеотуризма. Незабываемы недели работы в командах инструкторов с такими яркими личностями как Владимир Дмитриевич Резван (Адлер), Эрик Эрикович Лайцонас (Каунас), Юрий Иванович Ковалев (Красноярск), другими ведущими инструкторами-методистами того времени.

В итоге начинал прорисовываться принципиально иной, по сравнению с существовавшим, подход к обучению в кейвинге. SRT катализировала этот процесс. А необходимость вести постоянные занятия с кейверами своего клуба дала достаточный практический опыт.

В основе моего подхода к обучению кейверов стоит утверждение, что в пещере учиться не следует – учиться надо в классе и на тренировочных полигонах, хорошо оборудованных с удобным доступом и достаточным обзором для инструкторов.

В пещерах же полученные в "классе" знания, навыки и умения оттачиваются, шлифуются, подгоняются к реальной подземной обстановке.

В то же время содержание подготовки учителей кейвинга – инструкторов, принципиально отличается от подготовки участников и руководителей спелеопутешествий. Профессиональная пригодность инструктора определяется не навыками лазания по отвесам, а умением научить этому других.

А ведь это не одно и то же, правда?

* * *

Что и говорить, наши с Резваном (точнее Резванские с моим участием) семинары не всем приходились по вкусу. На последнем красноярском СИПе, например, мы в течение 9 суток жили в подземном лагере в пещере Большая Баджейская и при этом не просто лазили по пещере, а читали лекции. Все слушатели писали конспекты и методические разработки занятий, проводили практические и семинары – при свете фонарей, свечей и карбидок, на холодных камнях, в промозглой сырости пещеры...

От всего этого здорово пахло маразмом – но мы учили инструкторов, а не спелеотуристов. Что было делать, если учебными планами подготовки инструкторов предусматривался УТП, продолжительностью 9 суток! А вот что в этом УТП делать будущим инструкторам – как-то никто не задумался.

Мы нашли – что. К счастью, красноярцы с пониманием приняли наш с Резваном подход к обучению – это были незабываемые дни!

С переходом к одинарной веревке нам неизбежно предстояло от начала до конца разработать и саму систему обучения, приспособив ее к требованиям совершенно новой для СССР спелеотехники. Еще один никем не пройденный путь.

Но при всем желании измениться, мы оставались детьми своей страны. Даже взяв из советского спелеотуризма все лучшее, мы не могли сразу все и в корне изменить, многого и понять были не в состоянии.

И мы отправлялись в новую дорогу, так сказать, старым путем.

* * *

Сложно ли обучить человека технике кейвинга? Очевидно, что ответ не будет однозначным. То, чему школьника приходится учить три года, студент ВУЗа постигает за год, а подготовленный спортсмен освоит и того быстрее.

Новичок без опыта туризма не сравнится с альпинистом.

Чем больше у обучаемого жизненного опыта, выше общее развитие, навыки интеллектуальной деятельности – тем проще ему освоить SRT. Потому что одинарная веревка, мы уже говорили, – это не просто техника. Это философия отношения к жизни вообще, основанная на высокой внутренней культуре, честности перед собой и другими, выраженная, прежде всего, в сознании ответственности за свои действия.

В SRT халтура недопустима. Как внушить это тем, кто всю жизнь впитывал совершенно другое: потребительско-наплевательское отношение к жизни, работе, собственности?

Есть такое нынче модно слово – ментальность.

Как выпустить новичка на одинарную веревку? А что, собственно, сложного? Это тот, кто всю сознательную жизнь в кейвинге ходил в пещеры по двум линейным опорам, поначалу ощущает себя на одинарной веревке, будто не в своей тарелке. А новичок – он не знает другого! Для него одинарная веревка с первых шагов становится нормальным естественным способом преодоления вертикалей. И психологический барьер здесь оказывается гораздо ниже.

Недаром говорят: "Легче научить, чем переучивать".

Постепенно, на опыте "Сумгана", я познавал закономерности обучения SRT. Кейверов всех уровней – от весьма опытных до зелененьких новичков, в Усть-Каменогорске хватало. К счастью, в клубе не оказалось сверхопытных лидеров, могущих, как часто бывает, составить консервативную оппозицию новому течению.

В 1975-м году болгарский кейвинг принял решение о национальном переходе с двухверевочной техники на SRT. Восточный Казахстан по площади едва ли меньше Болгарии. В этом полушуточном плане десятью годами позднее мы совершили сравнимый по масштабам "всеобщий технический поворот".

Однако нам пришлось изрядно попотеть, чтобы изготовить множество специальных приспособлений для того, чтобы хождение по одинарной веревки стало можно назвать – SRT, в настоящем смысле этого понятия. Изготовить и научиться пользоваться ими.

Что и говорить, SRT – техника не для ленивых.

* * *

Что самое страшное в СРТ?

Любая неисправность нейлоновой дороги или "транспортных средств" для передвижения по ней может привести к очень серьезным последствиям. Но больше всего мы боялись именно повреждения и обрыва веревки. Самая очевидная и пугающая опасность.

В скальной лаборатории – специально оборудованном полигоне на скалах поселка Старая Согра в черте Усть-Каменогорска, отрабатывались приемы защиты навески от повреждения.

Первым делом изготовили простейшее защитное снаряжение: узловые подкладки из пожарных рукавов (чтобы не перетирались узлы возле навесочных крючьев) и трубчатые протекторы из прорезиненной ткани на "репейниковых" замках (для защиты веревки на перегибах скалы в непосредственной близости от точек навески).

Пробовали защищать протекторами веревку в середине отвеса, но быстро отказались – от пульсаций веревки мягкие тканевые трубки скатываются,

поднимаются чулком вверх, оставляя веревку без защиты, а жесткие: из резиновых шлангов, слишком тяжелы и неудобны.

Сделали и отклонитель – металлический стержень со спиралькой на конце, в которую пропускается веревка. Отклонитель навинчивается прямо на крюк, забитый в точке трения, и отводит веревку от скалы, заменяя трение о шероховатый камень трением о гладкий металл. Не понравилось. Проще вернуть в крюк ушко и сделать обычное промежуточное закрепление. Но SRT – штука неоднозначная, видимо, где-то может понадобиться и отклонитель. Всему свое место и время.

На пологих протяженных "лбах" в начале отвесов, где веревка большой длиной ложится на скалу и обычные протекторы не помогали, оказались эффективны большие тканевые подстилки, вместо которых с успехом применяли пустые транспортировочные мешки из-под веревки.

Одной из наиболее удачных технических новинок, позаимствованных у коллег по международным экспедициям, стали болгарские тросовые приспособления: удлинители и тросовые петли. Вернее, техника работы с ними, потому что конструктивно мы нашли собственные, зачастую более удачные для наших условий, решения.

Например, вместо ушка-удлинителя фирменного образца мы сконструировали очень удачную трос-планку. Применение тросовых планок-удлинителей резко сокращало число дорогих и тяжелых карабинов, снижало расход веревки на узлы, убирало трение о скалу в местах закрепления веревки, позволяло выбрать для забивки крючьев наиболее удобные места.

Крючья – вот с чем чуть не вышло заминки. По сравнению с классической техникой, SRT требовала гораздо большего числа забитых для навески крючьев. Это означало резкое возрастание затрат времени на их забивку.

Западноевропейская техника одинарной веревки своим успешным развитием во многом обязана продукции французской фирмы "Societe de Prospections et d'Inventions Techniques". Нам негде было взять великолепные самоврезные крючья этой фирмы, названные аббревиатурой ее названия – "SPIT". Но мне удалось приспособить к требованиям SRT обычный цанговый шлямбурный крюк, вместо традиционной шляпки, снабдив его резьбой на внешнем конце (*169). Отверстие под ШКС пробивалось пробойниками, и скорость пробивки зависела от их конструкции и умения исполнителя. Медленнее получалось раза в полтора, но в остальном все соответствовало. ШКС не уступал в надежности и удобстве в работе, а главное – легко изготавливался в кустарных условиях. Проблема была решена.

С другой стороны, число забиваемых крючьев удавалось снизить, используя тросовые и стропяные локальные петли, которыми обвязывались выступы, проушины, глыбы.

* * *

Да, буквально все снаряжение нам приходилось изготавливать самостоятельно – купить было негде и не на что. Что ж, в каждой ситуации есть свои положительные стороны.

Будь славен Оптимист, нюхающий клопа и мечтающий о коньяке!

* * *

Сколь ни тренируйся на скалах, отточить мастерство навески можно только в пещере. Прощаясь в декабре с красноярским семинаром СИП-86, мы не надолго расставались с красноярскими пещерами. Уже через три месяца доблестный казахстанский десант высадился в аэропорту Красноярска, чтобы провести учебное прохождение Торгашинской пещеры. Впервые столь внушительная команда клуба – около 20 человек, проводила не экспедицию, а именно учебную акцию по SRT. Еще один необходимый эксперимент.

Отечественная система подготовки туристских и альпинистских кадров предусматривала постепенность накопления опыта, последовательное прохождение маршрутов все возрастающей сложности. Строгое следование этой системе ставило

более старших по возрасту новичков в невыгодное и даже странное положение. Например, в течение года вы могли совершать сколько угодно путешествий, но категорией не выше положенной вам по официальной квалификации, причем к зачету на очередной разряд принимались только два путешествия в год. Хочешь – не хочешь, а путь от новичка до мастера спорта длился 5–7 лет. Это в лучшем случае. Странно контрастируют школьники–мастера по гимнастике, к примеру, и бородатые разрядники по туризму.

Парадокс! В армии 18–летним мальчишкам доверяли автоматы и страшную военную технику и в то же время отказывали им по завершении службы самостоятельно определять свою дорогу в горах.

Казалось бы, очевидно, что совершеннолетний разумный человек и сам не выйдет на маршрут, который ему не по силам. Если же пойдет, то, в конечном итоге, его право располагать самим собой. Задача общественных, туристских, спортивных и других институтов – предоставить человеку возможность получить квалификацию, достаточную для воплощения его планов, застраховать свою жизнь на случай возможной аварии, прибегнуть к услугам профессиональных спасателей, если необходимо.

А уж воспользоваться ли этими возможностями или надеяться только на себя – дело и право каждого.

Всегда ли оправдано последовательное поступенчатое овладение мастерством?

Безусловно. Только величина этих ступеней, этапов движения к мастерству, носит сугубо индивидуальный характер.

Один, опираясь на свой багаж знаний, жизненный опыт, физическую подготовку, интеллектуальный уровень, уже через год способен на то, на что другому не хватит и семи лет интенсивных занятий.

Кто-то весь путь проделывает самостоятельно, не уставая учиться самостоятельности в любых мелочах.

Другой – хвостом тянется за лидерами, паразитируя на их целеустремленности. Что может помочь учесть все нюансы?

Индивидуальный подход.

Неудобно? В чем-то да.

Проще всех под одну гребенку.

* * *

Есть у бельгийских спелеологов оригинальная система подготовки, отражающая, пожалуй, общий подход цивилизованных стран к вопросам, подобным кейвингу. Союз бельгийских спелеологов (UBS) – учредил национальную школу, суть которой, по моему пониманию, сводится к следующему. В специальном журнале UBS – "Brevet d'Equipe", ежегодно публикуются теоретические и практические вопросы, в которых необходимо разбираться, чтобы с полным правом рассчитывать на признание в компетентной среде. Кроме вопросов, в журнале кратко освещаются ответы на них в свете новейших веяний вертикальной техники.

Несколько раз в год желающие попробовать свои силы и получить признание себе подобных имеют возможность провести уикенд в живописном уголке Бельгии среди известковых скал. На скальной стене, прекрасно наблюдаемой с поляны размещения участников, проложены вертикальные трассы и траверсы, насыщенные всевозможными техническими элементами. Общая протяженность до 500 метров – весьма приличная условная пропасть!

В первый день все добровольцы имеют возможность испытать себя в прохождении вертикалей технической трассы. Во второй – продемонстрировать владение техникой спасательных работ и спелеологического документирования подземных полостей (в "джентльменский набор" настоящего кейвера обязательно входит умение делать топографическую съемку) (*170).

Бельгийцы утверждают, что кейвер, прошедший такие испытания, может рассчитывать на успешную работу в самых сложных пропастях мира.

Если говорить только о вертикальной технике, думаю, так оно и есть.

Вот так ненавязчиво, но интересно Бельгийский спелеосоюз берет на себя заботу о квалификации своих членов, оставляя за ними право воспользоваться или нет ее услугами и в какой мере.

Убеждение и заинтересованность – безотказные методы любого воспитания.

* * *

Валера Мальков пришел в кейвинг далеко не новичком в туризме. Учитель физики одной из усть-каменогорских школ, руководитель туристской секции "Альтаир", он сохранил живость восприятия всего нового, интересного. Ощущая бесперспективность спортивного туризма, его конечность и ограниченность, он с интересом включился в освоение SRT, внеся в нашу пещерную компанию струю неиссякаемого оптимизма.

Торгашинская была для Валеры первой пещерой, столь насыщенной разнообразнейшими вертикальными препятствиями. И это тоже входило в условия эксперимента.

Готовясь к спуску в сумерках саянского леса, обступившего внушительный провал Торгашинской пещеры, Валера особенно не волновался. Теоретический курс он прослушал, на скалах был далеко не последним. Вечерний морозец над заснеженным мартовским лесом постепенно крепчал, парни один за одним скрывались в черноте 40-метрового входного колодца, унося с собой транспортники со снаряжением. У уютно потрескивающего костра на площадке перед входом в пещеру оставалось все меньше людей. Мальков на момент включил фонарь, осветил стройные сосны у края пропасти.

На стволе блеснула табличка: "Перед входом в шахту убедитесь, что кабина лифта перед вами!" и ниже: "Работа с тросом без рукавиц запрещена!"

Валера усмехнулся и вспомнил, как полчаса назад с тропы на поляну высыпала солидная группа красноярцев. Подивившись на замысловатую SRT-трассу по противоположной стене пропасти, ребята навесили свои трос-веревку и быстренько скатились в пещеру. Немного погодя, из лесу появился еще один довольно юный представитель красноярского кейвинга. Скинул у костра рюкзачок, подошел к краю пещеры, послонялся туда-сюда и вдруг наткнулся взглядом на обрывок веревки, припорошенный снегом на площадке.

– О! – восхитился пришелец. – Так это ж моя обвязочка!

Выватив из снега находку, паренек быстренько обвязался, натянул варежки и со свистом исчез в колодце по одной из навешенных собратями веревок. Вот это SRT! Суровые сибирские варианты!

– Валера, лишний карабин есть? – кто-то из мужиков готовился к спуску.

Мальков, не особенно рассуждая, отстегнул карабин от трансрепа (стропы для транспортировки груза) и – отдал. Валера как-то забыл, что в индивидуальном снаряжении SRT нет ни одной лишней детали.

* * *

Они с Хардиковым уходили с земли последней двойкой. Сергей пристегнулся к веревке, поддал ногой свой, прицепленный к трансрепу, мешок:

– Ну, я пошел?

– Давай! – Валера проводил его взглядом, поежился – пробрал-таки мороз.

И тут обнаружил, что остался один с двумя мешками. То ли кто-то по оплошности забыл свой мешок на краю, то ли просчитались при упаковке. Но не оставлять же? Правда, с минуты на минуту должны подойти из города Сергей Шалыга с Колей Бердюгиным – они оставались отмечать обратные авиабилеты. Но когда это будет? Так или иначе, но Мальков решил взять вниз оба мешка, тем более, что на спуске – не на подъеме! – это не так тяжело.

И вот тут Валера призадумался в первый раз. Карабин он отдал... А чем цеплять транспортники?

Впрочем, не велика проблема. Мальков отстегнул от беседочного мэйон рапида верхний карабин трансрепа и прищелкнул на него оба мешка, а верхний конец трансрепа, подумав, привязал к рапиду узлом.

Если бы в тот момент кто-нибудь сказал Малькову, что ему предстоит в ближайшие 4 часа – не поверил бы. Чуть собачья! Но незримая пока цепь ошибок продолжала раскручиваться, незаметно набирая обороты.

Готовясь к спуску, Мальков рассовал по карманам штормовки запасные лампочки, спички, курево – все, что полагается на случай остановки для мелкого ремонта – благо, за плечами приличный походный опыт. Аккуратно заправил штормовку под беседку – чтоб не цепляться лапами в узких местах пещеры, затянул пряжки. А вот чресплечный ремень, что подтягивал грудной зажим чуть ли не к подбородку, мешая толком распрямиться, наоборот расслабил и с наслаждением выпрямился. Так-то лучше, чтоб на спуске не мешал.

– Свободно! – глухо донеслось из мрака колодца. Значит, Хардигов уже прошел очередной промежуточный крюк.

– Понял! – отозвался "по уставу" Мальков и начал спуск.

Первый крюк он прошел отлично. Подвешенные практически прямо к решетке мешки не мешали, их вес не ощущался. С этого места стена колодца приобретала отрицательный уклон, ноги отрывались от скалы, но в семи метрах ниже трасса снова подходила к стене – к очередному промежуточному закреплению. Трения здесь не было, и ПЗ носило чисто учебно-тактический смысл.

Чтобы дотянуться до этого крюка, надо было маятником подкачнуться к стене. Приспустившись к ПЗ и подтягиваясь к крюку, Валера обнаружил, что мешки находятся почему-то совсем рядом с ним. Сцепленные одним карабином транспортники оседлали корем – провис веревки рядом с крюком, и теперь висели рядом, мешая дальнейшему спуску. Мальков с трудом перевалил один из мешков через веревку, и вся связка неожиданно увесисто рухнула вниз, да так что навеска содрогнулась.

Валера опасливо покосился на крюк, но тот держал нормально, и Мальков приступил к перестежке.

Зависнув у крюка на самостраховочном усе, он выстегнул решетку из корема и закрепил ее на веревке под крюком. Затем выстегнул ус, уселся на решетку и... ни с места! Какая-то таинственная сила не пускала его вниз.

– Вот так хохмочка! – подумал Мальков. – В чем дело?

При осмотре "места происшествия" выяснилось, что он скинул мешки не с той стороны корема, и теперь с одной его стороны висели мешки, а с другой – их хозяин. Попробовав на вес связку мешков, Валера понял, что из этого положения подтянуть мешки за тоненькую ниточку трансрепа и перекинуть в нужную сторону ему не по силам.

– Что ж, – сказал Мальков, – тогда приподнимемся.

И в этом не было ничего незнакомого – обычный технический элемент. Мальков снова встегнул в крюк самостраховочный ус, выстегнул решетку и попытался вставить веревку выше крюка в свой грудной зажим. Однако, натянутая весом перекинутых через корем мешков, веревка вставляться в зажим не желала. Надо было немножечко поднять зажим вверх, а для этого – чуть-чуть привстать.

Не тут-то было! Сам-то Валера привстал, но зажим поему-то остался на месте.

Валера вспотел. Даром, что мороз – от Малькова густо валил пар, застилающий лучик налобного фонаря.

– Попробуем по другому!

Мальков машинальными движениями снова встегнул решетку ниже крюка и попробовал спускаться, противовесом подтягивая мешки вверх через корем.

Новое дело! Если в первый раз он хоть чуть-чуть, но приспустился, то теперь ощущение было такое, будто его намертво пристегнули карабином к рапели.

– Э-эва! – донеслось снизу. Это Хардигов сообщал, что он уже на дне колодца, в Снежном гроте. – Как дела?

Как дела!

– Нормально! – почему-то крикнул Мальков, обдумывая, что бы ему еще такое предпринять.

И тут ему почудились голоса наверху, где последними отблесками угасал короткий мартовский день. И точно – это вернулись из города Шалыга и Бердюгин. Мальков заорал.

У парней оказалась с собой дополнительная веревка. С ее помощью они попытались приподнять мешки, которые капканом держали Малькова у крюка. Получилось. И дело пошло так хорошо, что Малькову удалось даже встегнуть грудной зажим выше крюка и изготавиться к подъему на зажимах. Он сгруппировался, уперся обеими ногами в педал, покрепче вцепился руками в ручку ведущего зажима и рывком встал. Рывок получился на славу – Мальков так и подскочил вверх. Но почему-то грудной зажим, а попросту – кролль, снова остался на месте, и веревка через него не продвинулась ни на сантиметр.

Подергавшись еще какое-то время, Мальков был вынужден снова вернуться в исходное положение. Почему не идет вверх кролль? Какой-то чертов магнетизм исходит от этого крюка!

Впору было плюнуть через левое плечо.

Что-то зашуршало сверху. Мальков даже не успел среагировать, как увесистая снежная лапа мазнула его по каске, осыпав ледяным инеем.

И стало темно. Он не понял. Повертел головой, ощупал каску. На ней не было налобного фонаря. Сбило!

– Потихе там, наверху! – заорал Мальков в полной темноте.

– Что у тебя? – Шалыга, видимо, дубел там от холода. Так у них там хоть костер!

– Налобник потерял! Снегом сбило.

– Запасной свет есть?

– Есть! – Валера достал из-за пазухи ручной фонарик, включил – стало веселее. Но свет был дохлый. Хотел ведь заменить перед спуском батарейку, да пожалел старую выбрасывать.

– Слушай! – донеслось сверху. – Да обрежь ты эти проклятые мешки. Пусть летят! Там Хардилов ушел?

– Идея! – Мальков полез в карман штормовки, куда он положил свой складной нож: резинки, чтобы повесить нож на шею у него не нашлось. Нож – обязательное снаряжение кейвера-вертикальщика. Сейчас он, наконец, избавится от заколдованных мешков.

Ап!...

В карман было не пробиться! "Недаром" он так тщательно заправлял полы штормовки под беседку. Вместе с ними заправил под ремни и карманы. Теперь, в нагруженной беседке, в них не то что рукой залезть – палец не просунуть!

– От зараза! – выругался Мальков. А ведь там и спички, и курево, и лампочки запасные... А ну как сейчас ручник (*171) перегорит? Что же делать?

И тут пришла спасительная мысль. Он спускался последним. Перед ним – Серега Хардилов. А перед Серегой – Шеф.

Надо звать Шефа – он все устроит.

* * *

Хардилов все это время маялся в 70-ти метрах ниже в гроте "Жуткий треугольник". Если сесть на когда-то упавшие сверху бревна и посмотреть на потолок – на душе с непривычки становится нехорошо. Над головой нависает огромная треугольная плита, на первый взгляд ничем не связанная с окружающими скалами. Точно – Жуткий треугольник!

Из уходящего вниз узкого ходка сквозило. Холодно. Хардилов выкурил уже третью или четвертую сигарету и пребывал в раздумье. Главное, он не знал двух вещей: куда идти дальше и где запропастился Мальков? В принципе, Шеф, дождавшись Серегу на дне этого колодца, сказал, что надо идти прямо в ходок, держась левой стенки, и там справа будет спуск в Большой грот. Перекулив, Шеф юркнул вот в эту маленькую дырочку и был таков. Но где же все-таки Валерка? В Большом гроте, небось, уже ужин поспевает, мужики сало достают...

И вдруг Хардилов насторожился. Из сумрачного каменного неба явственно донесся крик. В этом отчаянном вопле Серега узнал голос Малькова.

– Сере-ога! – орал Мальков. – По-мо-ги!

Что-то в этом роде, потому что точно было не разобрать. Бросив сигарету, Хардилов рванул к веревке. Сбивая коленки о скалу, он, как мог быстро, принялся карабкаться вверх на зажимах по 30-метровому колодцу, теряясь в догадках о происшедшем.

Протискиваясь через узкую щель наверху колодца в Снежный грот, весь в мыле от этого вертикального кросса с препятствиями, Хардилов с трудом переводил дух.

– Валера! Что у тебя?! – эхо пошло по колодцу будь здоров! Хардилов и раньше не отличался тихим голосом.

– Завис я, Серега!

– К тебе подняться? Помочь?

– А Шеф где? – будто не слыша, отозвался сверху Мальков.

– Так он уже когда ушел! Мы с ним в Жутком расстались. Так чем помочь-то? Подняться?

– Ладно, сиди там, – Хардилову показалось, что Мальков в этот момент махнул рукой. – Чем ты мне поможешь? Сам буду...

* * *

В Большом гроте собралась почти вся команда. Боря Алексеенко кочегарил примусы, Люба и Таня "накрывали на стол". Всегда есть что-то поистине пещерное в этих трапезах на перекошенных глыбах, где самый большой дефицит – ровное и относительно чистое место.

Шеф, как окрестили руководителя соклубники, спустился в грот последним. Сзади оставалась только двойка Хардилов-Мальков. Но вот нету их почему-то уже целый час. Пойти, что ли, посмотреть?

После тяжелого дня – дорожная суета с утра до вечера да еще спуск в пещеру – шевелиться не хотелось. Тем более, что впереди уже явственно проглядывал ночлег. Кое-кто уже расстилал спальные мешки в редких горизонтальных местах среди глыбового навала крутосклонной осыпи, что покрывает дно Большого грота Торгашинской пещеры.

Посмотреть? В принципе – идти-то всего ничего. 30 метров подъема из Большого грота, дальше на карачках вверх по скользкому "Первому трамваю" – и ты в Жутком. Всех дел минут на 15–20. Но не хочется – страсть! Где же они застряли, черти?

– Ну что, нету? – мужики усаживались в кружок, доставали сигареты. Все снимали с себя снаряжение, так что искушению Шефа послать кого-нибудь на разведку, суждено было пропасть втуне.

– Покурим, и пойду смотреть, – сказал он. – Карбидочку вот заправлю... на всякий случай, и пойду.

* * *

Ты гляди, и правда надо идти! Нет никого. Что могло случиться?

Шеф тяжело поднялся и, бряцая железом, побрел вниз по осыпи. Карбидка, ярко вспыхнув, залила все вокруг желто-оранжевым светом, и тогда отчетливо проступили на большой высоте причудливые контуры потолка зала, корявые тени на нем, черные отверстия "окон". Подойдя к началу подъема из зала, Шеф на всякий случай гаркнул вверх. Тишина. Грустно вздохнув, он щелкнул зажимами на пристежке и пошел по веревке наверх.

Приятная все-таки штука – выйти из-под влияния обыденности, устоявшихся представлений! С молоком матери мы впитали, что вертикаль не для нас. Человек – существо повышенной проходимости, но вертикали – не место его жизнеобитания. Это другая, враждебная нормальной жизни среда. Передвижение по вертикали всегда вызывает повышенные затруднения: физические или психологические.

Тем заманчивее вертикаль! Это как свободный полет – извечная мечта человека. Парить в воздухе! Этим ощущением упиваются парашютисты, пара- и дельта-планеристы...

Приятнейшее ощущение! Если, конечно, не потеешь от страха.

Кейверу полет противопоказан. Но остается вертикаль!

В пещере вздыбленный, задранный вверх, опрокинутый вниз мир колодцев и пропастей очаровывает своей суровой поэзией. Но вот парадокс – любоваться ею Шеф смог только последние годы с переходом на технику одинарной веревки. В Киевской и Снежной прошлым летом, впервые за годы подземных штурмов, он пережил состояние всемогущества над вертикалью. Нет, не так... Не всемогущества, но какой-то удивительной свободы, родства, слияния с черным миром пещеры.

...Вот и верх колодца. Перила охраняют ротозеев от падения в скользкий желоб. Никого. Орать в узкий лаз Первого трамвая бесполезно – все едино ничего не услышишь. Надо лезть. Периодически какие-то "умники" перекрывают это место дверцей на цементной кладке – чтобы усложнить доступ к недрам пещеры ("пусть не ходит, кто попало!"). Что будет, случись в пещере беда, при этом не задумываются. Потом благоразумие берет верх, и дверь выламывают. Благо, сейчас проход открыт.

Надо лезть. Добравшись до выхода в Жуткий, Шеф гаркнул снова.

– Э-эва-а!

И снова ответом тишина.

Заинтригованный до крайности, Шеф вылез в грот. Здесь они расстались с Хардиковым. Вот и мешок его лежит. А Сереги нет. Чудеса! Заблудились они, что ли? Ушли куда-нибудь в грот Скелетов, в Инфаркт какой-нибудь... Так, вообще-то, мудрено!

...Шеф застал заиндеветшего Хардикова на колодец выше, в Снежном гроте, и тут же пошел вверх к Малькову. Валера висел на том же месте. Ручной фонарик почти сдох, физиономия синяя от холода.

– Живой?

– Живой, – мрачно отозвался Валера, с трудом шевеля неважно повинующимися губами. – Было б толку...

– Спокуха. Сейчас мы тебя распеленаем. Сам спускаться сможешь?

– Ты это... Шеф, я в порядке, ты не думай.

– Так ты сколько уже висишь?

– Черт его знает. Как пошли – так и завис.

* * *

Распутывая Мальковскую паутину, я восхищался нагромождению вроде бы маленьких ошибок, приведших к такой, прямо скажем, аварийной, ситуации. Маленькая причинка влекла за собой такое же маленькое следствие, из которого следовало нечто покрупнее, и все снежным комом постепенно выкатывалось из-под контроля непосредственного виновника-исполнителя.

Все это напоминало расхожий анекдот про героя Гражданской войны, перефразированный ребятами по мотивам прошлогодней не совсем удачной экспедиции в Алтайскую, возглавляемой некурящим спелеологом Лехой Васюковым.

Рассказывали его так:

– Как сходили, ребята? Без происшествий?

– Нормально. Померзли только малость.

– Дров что ли было мало?

– Дров-то навалом, да не спать же у костра. А в палатках-то дубак...

– Так вы что – в палатках ночевали? А чего в палатках-то?

– Так изба в Устюбе сгорела.

– Изба сгорела?! Печку что ли проморгали?

– Да нет. Леха Васюков курил да окурок в угол бросил...

– Ну, ты врать! Леха-то не курит!

– Закуришь тут, если у нас тетка (*172) в колодец Шабанова (*173) улетела!

Так и в Торгашинской. Не отдай Мальков карабин – не пришлось бы намертво привязывать трансреп к своему беседочному мэйон-рапиду. А значит, мог бы, в крайнем случае, отстегнуть и сбросить вниз мешки, или перевесить их на корем.

Через полтора года после описываемых событий на Арабике в Перовской я неожиданно попал в похожий переплет, но об этом позже.

Транспортируя два мешка, полезно использовать и два трансрепа. Тогда не придется бороться с весом двух транспортников одновременно. Поднимая мешки по одному, Валера успешно выпутался бы из корема: два раза по 10 килограммов поднять проще, чем один раз 20!

Дальше больше. Нож у Валеры оказался в столь труднодоступном месте – в прижатом обвязками кармане, что оказался не полезнее зубочистки. Не говоря уже об остальном содержимом карманов.

То, что с каски сбило налобник – это судьба. Такие случаи достаточно известны. Но крепление фонаря было явно ослабленным, ненадежным.

Потом пошел просто заполох. Если хорошо знакомые предметы перестают привычно подчиняться, если обычные действия вдруг начинают давать неожиданные результаты – тут человек может просто растеряться.

Мальков не понимал истинных причин событий. И действия его, естественно, не были адекватны ситуации. Это из той же серии, что и многократно описанные в популярной литературе идиотские поступки людей при неожиданной встрече с инопланетянами или другими сказочными существами. Вместо того чтобы по назначению использовать подарок судьбы, большинство персонажей начинают креститься, не верить своим глазам, чего-то пугаются, плюют через левое плечо – в общем, ведут себя по-человечески.

Вот такой полтергейст приключился и у Малькова. Должен спускаться – не идет решетка. Почему-то и в голову не пришло проверить правильность пристежки. Проверил бы и увидел, что впопыхах вставил рапель в спусковое устройство в порядке обратном нормальному.

Дело в том, что решетка – единственный тип спускового устройства, которое в такой ситуации начинает работать как самохват, намертво зажимая веревку (*174).

Короче говоря, Мальков встегнул веревку наоборот, и решетка заклинила веревку.

Убедившись, хотя и не поняв почему, что спускаться невозможно, Валера попробовал подняться. И это ему, без сомнения, удалось, если бы не сверх меры ослабленный перед спуском чреплечный ремень. Ремень не мог потянуть вверх Валерин грудной зажим, потому что был плохо отрегулирован.

Длинная цепочка маленьких оплошностей. Они крепко вошли в нашу жизнь – маленькие небрежности, небольшие неаккуратности, крохотные поправки своей совести...

SRT серьезно мстит за несоблюдение своих законов.

Потом, конечно, было много смеха. Валеру поздравляли со своеобразным рекордом: никто еще на нашей памяти не мог похвастаться, что провисел в обвязках 4 (четыре!) часа – а именно столько Мальков мужественно боролся с собственным снаряжением в первом колодце Торгашинской. Предложенная мной для работы способом "Дэд" система обвязок "Сумган" прошла отличные испытания, так сказать, на живой натуре в экстремальной ситуации.

Злоключения Валерия Борисовича в пещере Торгашинская на этом, понятно, не закончились. Известно, что если уж начало не везти, то это надолго. Надо смириться и не роптать.

Мальков так и поступил. Поэтому он мужественно переночевал в Большом гроте без спального мешка – все места оказались почему-то заняты, а наглости распахать нахально храпящих собратьев у него не хватило.

Мало того, на подъеме из пещеры Валера сломал пружину своего грудного зажима, и его кулачок до самого верха пришлось подпружинивать пальцем – не больно приятное занятие, доложу я вам!

А на самом верху – в подарок Шефу! – Валера переломил еще и пружину моего фирменного французского пуани.

Вот уж воистину: русскому мужику любая иноземная техника нипочем!

* * *

Так вот, о Перовской.

Мы поднимались с Сухого дна, только что покинули изнуряющую Мормитовую галерею (*175) и находились где-то на -700 или чуть выше. Пещера здесь утрачивает стройное стремление вниз и разрастается заваленными обломками скал подземными залами, в которых надо уметь сориентироваться. Навеска была сделана поляками, но по пути вниз нам то и дело приходилось обвешивать отдельные опасные участки перилами.

Я стоял на просторной полке и теперь передо мной был именно такой участок горизонтальных перил, увенчивающий каскад отвесов, оборудованный сплошной навеской со многими перестежками. Мне оставалось подняться до крюка метра три, после чего веревка шла вправо вдоль узенькой полочки, приводящей к выходу из отвеса.

По пути вниз – я это отлично помнил – эти перила показались мне навешенными слишком низко. И вот теперь я получал подтверждение негодности навески. С увесистым баллоном на трансрепе (*176) плюс собственный мешок, я никак не мог выбраться и встать на полочку, чтобы, наконец, освободить веревку. Снизу уже подходили, поджимали меня поднимающиеся следом мужики. Мне не хотелось их задерживать – всегда неловко себя чувствуешь, когда заставляешь кого-то ждать – и я несколько заторопился.

– Так, – подумал я вслух, – А не попробовать ли уйти по перилам, как по навесной переправе?

Дополнительным карабином я пристегнулся беседкой к веревке, отстегнул самостраховочный ус и легко отъехал по перилам метра на полтора от крюка. И точка! Дальше перила поднимались вверх, и на одном ведущем зажиме мне никак не удавалось подняться сколько-нибудь далеко, а кроль я встегнуть в горизонтальные перила уже не мог: не хватало гибкости связующих элементов.

И я завис. Глупость положения усугублялась тем, что висел я в полуметре над прекрасной площадкой, по которой во время паводков устремлялись потоки воды – именно потому поляки не сделали навеску по этому, на первый взгляд более удобному, пути, а ушли вправо по стене.

Итак, я комфортно, но беспомощно висел в полуметре над землей.

Разумеется, у меня было достаточно вариантов выбраться из этого дурацкого положения, но все они были лишены должной элегантности. Ну не резать же перила? И не бросать же баллон!

И тут меня осенило. Баллон! А почему бы, по крайней мере, от него на время не освободиться? Надо было сделать это еще около крюка!

Мой трансреп был пристегнут к мэйон-рапиду карабином, поэтому мне легко удалось перевесить баллон на перила. Удивительно это ощущение освобождения от давящего вниз груза. Теперь мне без особого труда осталось выполнить все остальные необходимые маневры: закинуть ноги на перила и продвинуться вдоль них до выхода из отвеса, одновременно подтаскивая баллон.

Невесть какая сложная ситуация.

Но мгновенное ощущение беспомощной растерянности запомнилось мне надолго.

* * *

Так, в муках отдельных товарищей, рождались принципы будущей школы обучения SRT. И постепенно мы все более убеждались, что старая методика для этого принципиально не подходит.

Надо, надо было создавать свою.

Вот некоторые принципы, кажушиеся мне основными.

Начальное обучение должно проходить на специально оборудованных полигонах, в скальных лабораториях, в спортивных залах со специально оборудованными тренажерами. Главное – чтобы был смоделирован весь необходимый набор элементарных препятствий, а инструктор имел достаточный обзор для наблюдения за обучаемыми.

Не стоит пренебрегать теоретическими занятиями, дающими знания, как основу для понимания сути реальных процессов, происходящих на вертикалях. Голая практика не может дать полноценного мастера. Тем более – инструктора.

И только на третьем месте пещера. Пещера – как шлифовка, как совершенствование уже имеющихся навыков и умений. Пещера может, но не должна стать единственной и самоцельной формой обучения работе на одинарной веревке. На подземных вертикалях опасно учиться азам.

Азам надо учиться в классе.

Ну и – индивидуальный подход.

Выявить уровень мастерства не помогут никакие справки о постепенно набираемом опыте. По бумаге не определишь – что реально может человек, знает ли предмет, в какой мере владеет тем, чем занимается. Формальная продолжительность занятий и стаж не вполне отражают уровень того или иного спортсмена. Кто-то уже через год станет надежным бойцом, кому-то для этого не хватит и десяти. Тут не должно быть формализованной усредненовки.

Очная аттестация на технической трассе на виду у компетентных экспертов – неплохой способ выявить некую начальную квалификацию кейвера. Далее о ней скажет его "послужной" список – вне зависимости от последовательности прохождения подземных маршрутов. В принципе, безразлично, в каком качестве пройдены те или иные маршруты: участником или руководителем. Это может оказаться важным для формирования состава для выполнения тех или иных задач, – в конечном счете, от удачно подобранного состава в первую очередь зависит успех любой затеи.

При этом не стоит забывать одну деталь – каждый из нас должен захотеть пройти то или иное обучение, тем более какую бы то ни было аттестацию. Заставлять – это не метод.

Конечная цель обучения кейвера – воспитание возможно более полных навыков автономной работы, самостоятельного принятия адекватных решений, способности эффективно действовать под прессингом быстро меняющейся обстановки в условиях экстремальных, в том числе аварийных ситуаций.

Именно способность надежно самостоятельно работать под землей говорит о степени мастерства в кейвинге. И не только в кейвинге. В SRT – это основное условие. На одинарной веревке каждый работает в одиночку, и рассчитывать нужно только на себя.

* * *

Наша первая километровая SRT-экспедиция была очень неоднородна по составу. Один из нас имел довольно солидный спелеостаж и опыт инструкторско-методической работы, но личное достижение глубины всего – 700 метров.

Второй – личный рекорд – 500 при весьма скромном стаже.

Остальные двое до того имели опыт прохождения пещер глубиной всего в – 150 метров. Но при этом один из этих двоих имел немалый общетуристский стаж, а второй был просто хорошо подготовлен физически и достаточно психически уравновешен. При этом он не знал другой техники, начав свой путь в кейвинге сразу по одинарной веревке.

Ни одна маршрутно-квалификационная комиссия не выпустила бы нас на этот маршрут, укажи мы в заявочных документах все как есть. Тот факт, что три месяца этим составом мы только что не ночевали на скалодроме, посвящая упорным тренировкам – "изучению предмета действием", все свободное время – кого интересовал этот факт? Ни одна МКК не приняла бы его во внимание, да и не имела права принять. А между тем эти тренировки на полигоне с хорошим обзором, с возможностью вовремя выявить возникающие ошибки и неувязки стали залогом нашего успеха.

Сработали мы очень надежно, не допустив ни одной сколько-нибудь существенной ошибки.

Возвращаясь мысленно к той далекой уже Первой экспедиции, часто задумываюсь – что бы было, если по какой-либо причине мы потерпели аварию, вроде той, что подстерегала нас годом позже?

Как бы справилась с ней наша столь неравноценная по составу группа?

И прихожу к выводу, что однозначно ответить нельзя. Довольно прилично овладев техникой одинарной веревки, мы не смогли добиться того же в технике спасательных работ на этой самой веревке.

Потому что спасательные работы под землей проверяют нас не только на владение техникой, но стократ – на психологическую выносливость. А она приходит с опытом. С тем опытом, которого в целом у той команды не было, да и не могло еще быть.

Опыт, устойчивость к агрессивным факторам пещеры приобретаются только под землей. Никакими скалодромами его не заменить. Но фундамент всему должен закладываться в тренировках на приспособленных полигонах, в углубленном изучении дела, которым собираешься заниматься.

Так что же нам оставалось при отсутствии этого самого опыта? Не ходить? Или подождать лет 5–6, пока этот опыт будет приобретен в соответствии с существовавшими правилами?

Нет. Этого я себе позволить не мог.

Мы готовились, как могли, и рисковали осознанно. Я и сегодня не вижу другого варианта достичь поставленной тогда цели – доказать себе и другим, что SRT в пропастях СССР – не иллюзия.

* * *

...Мы возвращались из Торгашинской, а навстречу нам по заснеженной дороге тянулись в ночи группы томичей и красноярцев, иркутян и новосибирцев – на выходные дни в знаменитую пещеру съезжались группы со всех не слишком удаленных уголков Сибири. Из такой дали – из Казахстана, мы были одни.

И только мы одни возвращались из Торгашинской, оставив на стенах ее колодцев первую в Сибири цепочку шлямбурных крючьев SRT-трассы. А увозили – первое SRT-описание маршрута по сибирской пещере, зарисованное в мой блокнот.

И конечно, уверенность, что мы еще вернемся.

Уходим мы, пройдя сквозь все,
Пройдя и выйдя, мы уходим,
А вас азарт надежд несет
Навстречу нам, навстречу ночи.
Проходим мы, как корабли,
Скользим бок о бок курсом встречным:
Мы вниз, под горку, мы – прошли.
Вы – вверх, грядущему навстречу! (*177)

***169 ШКС** – шлямбурный крюк Серафимова или "Сумган", так я назвал новую конструкцию.

***170** Топографическая съемка пещер чаще всего производится как полуинструментальная, в спелеологически развитых странах ведется при помощи практически неизвестного в СССР чудесного прибора под названием "топофил", позволяющего заниматься топосъемкой в одиночку.

***171 РУЧНИК** – ручной фонарь, спелеослент.

***172 ТЕТКА** – общераспространенный сибирский термин, обозначающий человеческое существо женского рода.

***173 Колодец Шабанова** – 18-метровый колодец в главном стволе пещеры Алтайская, куда, не справившись со спусковым устройством, упала юная представительница Восточно-Казахстанского города Лениногорска (Риддер), благо, отделавшись легким испугом. Чего нельзя сказать о руководителе экспедиции, к ногам которого рухнуло юное создание – его впечатления оказались много более сильными.

***174** Это свойство решетки оставляет некоторую надежду на спасение, если над спускающимся произойдет обрыв веревки – при удачном стечении обстоятельств есть шанс задержаться на решетке на конце оборванной веревке.

***175** Слушай, как-то спросил я у непревзойденного специалиста по Перовской и ее первопроходца Володи Киселева, почему она называется Мормитовой? Там котлы такие водобойные, кипят от водопадов, как кухонные мормиты, усмехнулся Киселев. Дойдешь, сам все увидишь...

***176** Мы доставали отработанные баллоны от аквалангов с -800, и мне до сих пор порой чудится их оглушительный звон о скалы. Этакие "сладкоголосые" колокольчики по 7 килограммов весом! За 6-7 часов работы этот звон может серьезно надоест.

***177 К.Серафимов** "Идущим вверх", Красноярск, 1983г.

Константин Борисович Серафимов

"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"

www.sumgan.com